

ИВАН ТАРАСОВ

СОЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ:

РАЗНОГЛАСИЯ В МНОЖЕСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ

Тарасов Иван Анатольевич, социолог, независимый исследователь; тел.: +7 950 963 53 17

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

В начале 2010-х годов в России возрос интерес к городской среде, ее качеству и комфортности. Велась масштабная работа по благоустройству крупнейших городов, в первую очередь Москвы, открывались новые учебные заведения, образовательные программы и общественные организации, сфокусированные на этой тематике. Этот тренд не ограничился центральными городами и к середине десятилетия распространился по территории всей страны, помимо прочего приведя к появлению групп новых городских активистов. В 2016 году в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу был разработан и запущен масштабный приоритетный федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». В ходе его реализации обнаружились разногласия по поводу способов создания такой среды, ее критериев и в целом необходимости/приоритетности такой среды.

В статье эти разногласия анализируются при помощи концепта «множественный объект», который был разработан в Ланкастерской школе акторно-сетевой теории, представленной в основном работами Джона Ло и Аннмари Мол. На примере благоустройства в Архангельской агломерации мы последовательно разберем основные процессы, формирующие реальность обустройства городской среды: реализацию приоритетного федерального проекта, процессное благоустройство и деятельность активистов. Выделив значимых акторов, мы покажем, что сегодня городская среда задействуется как минимум в двух противоречивых гетерогенных сетях отношений.

Ключевые слова: множественный объект; северный город; благоустройство; акторно-сетевая теория

Цитирование: Тарасов И.А. (2020) Создание городской среды: разногласия в множественном объекте // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5220207-23>

Введение

В статье «Что не так с единым миром» Джон Ло призывал изучать, как множественные объекты пересекаются и дают о себе знать на Севере, на территории победившей западной метафизики [Law, 2015]. Конечно, он имел в виду глобальный Север и развитые страны, но мы последуем этому совету радикально (так же, как и сам Ло) и попробуем найти множественный объект в одном из наиболее северных регионов России.

Мы попытаемся сделать это, исследуя процесс создания новой среды в городах России на примере Архангельской агломерации. В течение последних десятилетий состояние городской среды в стране привлекало внимание в основном узких специалистов, но со стартом приоритетной федеральной программы «Формирование комфортной городской среды» в 2016 году эта тема стала привлекать значительно больше внимания в публичной сфере. У этой программы амбициозные цели — создание условий для устойчивого повышения качества городской среды. Выражаясь словами акторно-сетевой теории, это значит, что проект должен собрать новую сеть акторов под названием «Комфортная городская среда», которая будет повышать качество среды и после его завершения. Он не просто направлен на устранение технических проблем, будь то безопасность на дорогах или обветшание советской дворовой инфраструктуры, но призван перестроить всю сеть отношений, составляющих города России. Масштаб проекта соизмерим с его целями. В этом году завершается третий цикл его реализации, и мы можем видеть промежуточный результат — несколько тысяч благоустроенных дворов и сотни обновленных территорий общественного пользования. Но это только одна сторона. С другой — мы находим разногласия и дискуссии как по поводу качества этого благоустройства, так и по поводу целесообразности его проведения.

Именно разногласия по поводу объекта являются признаком его множественности [Мол, 2017]. Это сигнал о том, что есть нестыковки между тем, что подразумевается в программе

под городской средой и ее комфортностью, и чем-то еще. Если это так, то необходимо найти и описать элементы этой множественности, найти, кто/что действует в каждой ее части, даже если действующие будут не только социальными, но и природными/техническими акторами. Это позволит выявить зоны, в которых происходит «трение», стратегии, которыми объект (рас)согласовывается, и другие возможные варианты. Для этого мы проследим и опишем основные события, происходящие вокруг реализации федеральной программы, и ограничения, с которыми она сталкивается. Кроме того, рассмотрим процессное благоустройство, отчасти являющееся фундаментом нынешнего состояния городской среды, и деятельность активистов.

В программе нет каких-либо особых условий или предпочтений для северных городов, хотя обычно такие территории и финансируются, и оцениваются иначе из-за удаленности и сложных климатических условий. Таковы обстоятельства краш-теста программы, за которым мы проследим. Эмпирический материал статьи был собран преимущественно в Архангельской агломерации в 2018–2019 годах и относится именно к ней. Однако дальнейшие наблюдения показывают, что федеральная программа работает по таким же принципам во многих региональных столицах, за исключением наиболее богатых, привилегированных или специфичных городов.

Теория множественного объекта

Что значит, что объект является множественным? Почему он множественный и что из этого следует для него самого? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к той версии акторно-сетевой теории, которая была предложена ее основателями и дополнена исследователями Ланкастерской школы.

Кратко реконструируем релевантные для нас базовые положения этой теории. Во-первых, все является объектами, причем объектами однопорядковыми. Во-вторых, — и это касается понятия действия, — однопорядковость заключается в равной возможности действовать. Действовать не в веберовском смысле деяния, недеяния или претерпевания, а исключительно в смысле возможности опосредовать действие. Действовать — значит опосредовать действие другого [Латур, 2006, с. 190]. Это не значит, что «брусчатка имеет намерение сломать каблук» [Трубина, 2017, с. 94], но только то, что она проявила себя как объект и, сломав определенный каблук, подействовала, заявила о своем существовании определенным образом. То, что практика хождения на каблуках относится к социальному миру, не помешало брусчатке сделать это. Но действовать могут не только материальные объекты. Стандарты укладки брусчатки также действуют, определяя, будет ли зазор между кирпичиками опасным для каблучков. Действуют и вкусы идеологов городской политики благоустройства, предписывая использовать именно брусчатку для главных пешеходных зон и общественных пространств городов. В некоторых случаях может подействовать и тип почв под покрытием улицы, от которого зависит, будет ли брусчатка разъезжаться или станет устойчивым элементом благоустройства. И только все эти действия вкупе создают сеть отношений под названием «мощная улица». Эта сеть отношений может измениться, например, при изменении стандарта укладки брусчатки или погодных условий в момент укладки покрытия.

Для такого анализа действие — это предикат существования. Дорожка, проложенная не там, где удобно ходить людям (или созданная не из того материала), не существует для них, она вытеснена кратчайшей козьей тропкой. Но для дворника, чья задача — содержать дорожку в чистоте, наоборот, существует только она, а тропка является для нее угрозой, поскольку угрожает существованию чистой дорожки.

Как видно из примера с брусчаткой, социальное, природное, техническое, материальное и нематериальное могут переплетаться. Однопорядковыми для объяснения причин и следствий благоустройства оказываются экономические стимулы строителей и особенности флоры региона независимо от того, к какому «миру» они принадлежат. Важно лишь влияние, оказываемое на исследуемый объект.

Переплетение флоры, идеологии, экономических отношений, материальной брусчатки, климата и межличностных отношений (или любых других составных элементов) может являться как задуманной, так и (чаще) спонтанной констелляцией уже предсуществующих акторов [Астахов, 2019]. Например, чтобы появился феномен «газелей-маршруток», необходимо,

чтобы предсуществовал протяженный город, чьи районы были бы недостаточно связаны друг с другом основной транспортной сетью, необходимо существование пассажирских «газелей», необходима сеть частных автомастерских и заправочных станций [Кузнецов, 2017]. Чтобы существовала транспортная система TransMilenio, необходимы высокие посадочные платформы, особые автобусы, сеть дорог с выделенной полосой и отсутствие метро [Pineda, 2010]. Все это Джон Ло определяет как хинтерленд: окружение объекта, от которого он зависит.

Кроме того, любой объект (а значит, и элементы хинтерленда, который его формирует) состоит из обязательного устойчивого ядра и периферии, которая может изменяться [Ло, 2006]. Замена, исчезновение или появление нового актора в периферийной зоне не изменяет объект полностью. Так замена одной доски на палубе галеона или болезнь части команды не делает из него чайный клипер. Однако бунт на корабле или столкновение с рифами произведет негеоморфное преобразование: в первом случае португальский галеон станет пиратским кораблем, а во втором — затонувшими руинами.

Итак, задействуя хинтерленд, состоящий из элементов ядра А, В, С и элементов периферии х, у, z, мы реализуем определенную практику и имеем объект №1 в качестве эффекта сети отношений АВСхуz. Меняем один элемент и получаем объект №2. Тогда неукоснительное повторение практик — это то, что делает мир единообразным. Так работает пастеризация. Так работает большая часть нововременной естественной науки.

Но что происходит, когда мы собираем объект №1, задействуя другие или отчасти другие практики? Что происходит в случаях, когда нет возможности использовать идентичные практики? Именно этим вопросом и задается Аннмари Мол в своем исследовании практик обращения с атеросклерозом [Мол, 2017]. Отличается ли атеросклероз, с которым имеют дело хирурги, от атеросклероза, выявленного терапевтом, а оба они — от препарата на стекле микроскопа в патологоанатомической лаборатории? Ее ответ — отчасти да, а отчасти нет. Это один и тот же объект, но его «больше, чем один, но меньше, чем два» [Там же, с. 127]. Практики хирургов, патологоанатомов и терапевтов задействуют несколько версий одного и того же атеросклероза. Но в каких-то случаях они просто разносятся по разным частям больницы, потому их нестыковка невидима, иногда одна версия полностью игнорируется и т.д. Но когда они встречаются, возникают разногласия и противоречия.

По конфликтам и некоторой «шероховатости» мы и можем обнаружить замаскированный множественный объект. В интересующем нас виде предположение о множественной природе объекта делает Аннмари Мол. Она «открывает» множественность, изучая практики диагностики и лечения атеросклероза в голландской больнице. Ранее Хелен Верран обнаруживает несвязность на материале историй о территории Австралии у аборигенов и геологов [Verran, 1998], что позволяет Джону Ло сначала, исследуя Британскую систему помощи больным циррозом печени, говорить о наличии нескольких версий одного события [Ло, 2015], а позднее, видоизменив концепт, о конфликте норвежского природоохранного законодательства и традиционных практик природопользования саамов [Østmo, Law, 2018].

Что ценного можно найти в тезисе о множественности объектов и его следствии о множественности реальностей? Для постколониальных способов мышления это будет важный стартовый пункт, но в общем случае это значит, что все объекты и вся реальность контингентны — они могут быть другими. Реальность не является судьбой [Law, 2015]. Законы экономики «сделаны» так же и из того же материала, что и законы природные [Латур, 2019]. Расплетая траекторию появления объекта в нынешнем его виде, мы обнаружим задействованные элементы хинтерленда, ограничения, которые делают его именно таким. Одновременно обнаружатся и другие возможные версии объекта. Именно ради этих других версий реального все затевается. Они дают возможность выбирать те реалии, которые мы посчитаем более удачными.

Кроме того, сейчас объект «новая городская среда» еще не полностью выкристаллизовался, не привел себя к единому знаменателю, не схлопнулся в нечто самоочевидное — дискуссии вокруг него являются признаком этой онтологической незавершенности. Собранный объект значительно хуже разбирается на составные элементы, он «заметает» следы своего создания [Ло, 2015]. Конечно, можно последовать за Латуром в пастеризации Франции [Латур, 2015] или посмотреть на историю строительства здания Чикагской биржи [Zaloom, 2010], то есть заняться некоторым видом археологии. Но куда полезнее анализировать объект, сборка которого еще не завершена, что и было сделано, например, в исследовании «лабораторной жизни» в Инсти-

туте Солка [Латур, 2013]. Это вдвойне полезно для тех, кто хочет что-то изменить в текущей ситуации, ведь уже завершённый объект будет для своего «развоплощения» требовать значительно больших усилий [Duineveld, 2013].

Вот вопросы, на которые нам предстоит ответить: какие акторы задействованы в работе по созданию городской среды? Связываются ли они в непротиворечивую сеть, можно ли здесь говорить о множественном объекте? Если да, то какие множественные реалии он нам открывает?

Городская среда в современной России: краткая история

В новейшей истории России до последних лет, по сути, не существовало городской среды как объекта интереса властей и общественности. Присутствовали скорее ее фрагменты — дискуссии и проекты о качестве дорожного покрытия, земельные споры, проекты по благоустройству отдельных городов (например, Казани, Владивостока, Грозного или Сочи), существовали отдельные земельные споры, отдельные региональные, муниципальные или даже районные инициативы. Но в целом такого объекта, как городская среда или политика в ее отношении, — или тем более разговоров о ее комфортности, — не было. На этом фоне несколько выделялись крупнейшие и наиболее богатые города, но существенно это не меняло ситуацию.

За несколько десятилетий такого отношения из-за возросшего количества автомобилей дворы приобрели черты стихийных парковок, элементы советского благоустройства износились, а инфраструктура подверглась дополнительной нагрузке от точечной застройки; тополя, высаженные еще в середине XX века, достигли зрелости и начали представлять угрозу, а низкие, излишне водянистые и поэтому полузаброшенные участки заросли сорным ивняком.

Вдобавок институт главных архитекторов, которые в советское время были «патриархами проектировщиков», в новых экономических условиях потерял свое значение. Во многих городах эта должность может пустовать годами или быть полностью упраздненной. Более того, во многих городах начал расти зазор между генпланами, которые теперь стали создаваться не на местах, не в городе, а в относительно небольшом кругу организаций, и фактической застройкой [Мокрушина, 2016].

В этих обстоятельствах можно выделить несколько процессов. Они связаны между собой, но проследивание их генеалогии до общего корня не входит в задачи данного исследования. Впрочем, с некоторой долей уверенности можно сказать, что их общее начало — масштабные проекты по благоустройству Москвы, запущенные при мэре города С. С. Собянине [Фадеева, 2016]. Именно в этих преобразованиях впервые значимо проявилась идеология хипстерского урбанизма [Вахштайн, 2014], до этого отсутствовавшая в публичном поле. Были созданы значимые в будущем элементы — обновленный парк Горького (а впоследствии и парк «Зарядье»), приложение «Активный гражданин», карта «Чего хочет Москва», проект «Моя улица», произошли такие события, как, например, «Ночь длинных ковшей», и многое другое. Примерно в тот же период была создана Высшая школа урбанистики при НИУ ВШЭ (2011), фонд «Городские проекты» (2011), а незадолго до этого был открыт знаковый Институт «Стрелка» (2009). Все это так или иначе связано с темой благоустройства городской среды, которая появилась в Москве в тот период, а затем проникла в остальные города страны. С этого времени можно отсчитывать историю движения нового городского активизма, широко распространившегося в 2014 году.

Другой процесс проявился позднее, но связан с уже описанным. При подготовке к выборам в Государственную Думу РФ 2016 года партией «Единая Россия» был инициирован проект «Комфортная городская среда», позднее ставший федеральным проектом «Формирование комфортной городской среды». Благоустройство общегородских мест — это если не традиционная, то, как минимум, регулярная сфера деятельности местных и региональных депутатов. Сложно сказать, насколько это связано с реакцией на описанные выше процессы ухудшения городской инфраструктуры и объектов общего пользования или с успехами благоустройства Москвы. Но на исследуемой здесь территории представители партии власти и до этого инициировали небольшие подобные проекты. Это не было новой темой. Важно здесь то, что проект, запущенный как предвыборный, смог стать приоритетным федеральным проектом с соответствующим финансированием и масштабом преобразований.

Проект «Формирование комфортной городской среды»

Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» начался в 2016 году и рассчитан на период до 2021 года¹. Его цель — создание условий для систематического повышения качества и комфорта городской среды на всей территории РФ. В паспорте проекта в разделе «Результаты» можно обнаружить длинный перечень того, что подразумевается под этими условиями, — от благоустройства дворовых территорий и создания пешеходной инфраструктуры до создания инфраструктуры для спорта и отдыха, от благоустройства пустырей до поощрения проектов, инициированных горожанами. Проект подразумевает взаимодействие федерального, регионального и местного уровней власти, участие жителей городов, взаимодействие с частными проектировщиками и строителями, а также учет интересов бизнеса. Кроме того, в проектной документации федерального уровня есть акцент на вовлечении жителей благоустраиваемых территорий и предложен широкий спектр технологий по вовлечению. Так, для дворовых территорий обязательным условием является софинансирование проекта жителями, а для прочих мест предложены рейтинговые голосования, фокус-группы, практики партисипаторного планирования и т.д.

Любопытны для нашего исследования и представления о горожанине и городе, заложенные в проекте: «Современный горожанин воспринимает всю территорию города как единое пространство и ожидает от него безопасности, комфорта, функциональности и эстетики... Сегодня горожанину важно, как обеспечено освещение улиц, обустроены тротуары и общественные пространства, его интересует качество уборки улиц, современная и безопасная утилизация коммунальных отходов»², «локальные сообщества — это необходимый элемент развития города»³. Мы вернемся к этому пункту позднее, а пока обратимся к практике реализации программы.

Реализация приоритетного федерального проекта: финансирование и проектирование

Анализируя то, как программа воплощается в жизнь, мы начинаем обнаруживать расхождения и ограничения практик. Начнем с финансирования проекта. Год от года оно меняется, но общая схема остается прежней — основные средства выделяются из федерального бюджета, на региональном и муниципальном уровнях добавляется некоторая часть, и небольшую долю должны внести жители благоустраиваемых территорий (если речь идет о дворах).⁴ Однако, по словам информантов, есть ряд ограничений элементов благоустройства, на которые можно потратить федеральные деньги. Выделяются четыре «обязательных» элемента: проезды, освещение, урны и скамейки. Все эти элементы должны присутствовать в проекте, чтобы получить федеральное софинансирование. Любые другие элементы — от детских и спортивных площадок до тротуаров во дворах — считаются дополнительными, и для их реализации доля софинансирования остальными участниками должна быть значительно выше. Такой механизм уже на предпроектной стадии отдает предпочтение одним элементам среды перед другими, выстраивает их в иерархию. Независимо от потребностей конкретного места уже задан перечень того, что мы точно встретим на каждом благоустроенном объекте.

Пропустим этап принятия новой нормативной документации на региональном и муниципальном уровнях — он подробно прописан в документах федерального уровня и уже анализировался [Деменев и др., 2018].

Следующий этап — проектирование. По словам информантов-проектировщиков, при разработке проектов к программе «Формирование комфортной городской среды» они сталкиваются с рядом ограничений и сложностей, причем нередко им приходится ограничивать свое участие в этом проекте. Попробуем описать этот процесс и указать на сложности, выделен-

¹ Продленный позднее до 2024 года.

² Паспорт приоритетного федерального проекта, раздел «Обоснование». <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/337/pasport-prior-proekta-i-gorsreda.pdf>.

³ Основные принципы благоустройства дворовых территорий, слайд 16. http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/7d5/170118_kb_strelka_dvory.pdf.

⁴ Именно финансовое или трудовое соучастие граждан является одной из форм вовлечения в создание среды. Однако, как показывают мониторинги Общероссийского народного фронта, в ряде случаев эта последняя часть не исполняется вовсе или исполняется иным образом.

ные информантами. На первом этапе в администрации муниципалитета принимают соответствующую документацию или вносят изменения на очередной год реализации проекта. Это является условным стартом проекта в муниципалитете. После появления документов, регламентирующих порядок и сроки конкурса, размер финансирования и прочее, жители дома должны провести общее собрание, на котором принимается решение о вхождении в программу. Затем жители заказывают проект благоустройства своего двора. Далее должно происходить следующее: проектировщик готовит эскиз проекта, согласовывает его с жителями, разрабатывает на его основе проект, согласовывает проект с необходимыми инстанциями (от главного архитектора до владельцев инженерных сетей и организаций, контролирующих расход бюджетных средств), сдает проект на руки жителям-заказчикам, которые подают этот проект на рейтинговую оценку в муниципалитет. На все это отведено порядка двух месяцев. По словам работающих проектировщиков, два месяца — это достаточный срок для разработки хорошего проекта двора, но за вычетом всех остальных этапов — согласований, эскизов. Иными словами, это время, необходимое только на работу проектировщика.

Сложность же заключается в том, что из-за обилия инфраструктурных сетей под дворами и большого количества нормативов по размещению тех или иных объектов проектирование становится ювелирным занятием. Соблюдение всех нормативов часто идет вразрез с желаниями жителей видеть на территории двора парковку на N машиномест определенной формы или сложные объекты благоустройства. Даже запроектировать тротуар во дворе становится нетривиальной задачей. А согласование проекта с Водоканалом, Горгазом и прочими организациями занимает продолжительное время. Все это в совокупности приводит к тому, что проектировщики вынуждены одновременно разрабатывать и эскиз благоустройства (согласовывая его с жителями-заказчиками), и проект со всеми рабочими документами, включая бюджет (одновременно согласовывая его с владельцами инженерных коммуникаций и проверяющими органами). Логично, что это значительно затрудняет процесс проектирования. Кроме того, сложности с проектированием приводят к тому, что жители не видят возможностей реализации своих пожеланий и потому отказываются от софинансирования дополнительных объектов, кроме проездов, освещения, урн и лавочек. Именно поэтому благоустройство большинства дворов одинаково и состоит из сходных базовых элементов. Ситуации могла бы помочь модерация, но массово нужными для нее компетенциями не обладают ни активисты домов, ни проектировщики, ни сотрудники муниципальных администраций. В некоторых случаях активистам от жителей дома удается работать в связке с проектировщиками (чаще в тех случаях, когда проектировщик сам живет в этом доме или среди актива жильцов есть те, кто разбирается в программе, — депутаты, сотрудники администрации).

Кроме того, как проектировщики, так и исполнители работ отмечают, что есть сложность с финансированием работ — они оплачиваются только после сдачи объекта. Это значит, что фирмы-проектировщики и исполнители работ должны иметь некоторый запас средств для выполнения работ и что далеко не все конторы могут позволить себе участвовать в реализации таких проектов благоустройства⁵.

Информанты из числа проектировщиков, подрядчиков и проверяющих органов отмечают отсутствие связи между некоторыми проектами и фактическим положением дел на месте. Один из информантов рассказал, что видел проект дворовой территории, в котором детская площадка была размещена прямо над трубами с горячей водой, а в другом проекте тротуар должен был проходить прямо по существующей аллее. Чтобы понять причины таких ситуаций, необходимо обратиться к процессу проектирования и согласования. Дело в том, что в идеальном случае проектировщик, получив заказ на проектирование на той или иной территории, первым делом должен обратиться в соответствующие департаменты муниципалитета и за небольшую плату получить копии схем и карт расположения всей под- и надземной инфраструктуры, высотные отметки, в некоторых случаях результаты дендросъемки и некоторые другие документы, отражающие положение дел на территории. Но зачастую качество этой документации не соответствует требованиям — в этом сходятся во мнениях и проектировщики, и подрядчики, и другие задействованные в этом процессе информанты. Она бывает устаревшей

5 Показателен случай, когда главный инженер компании-подрядчика на одном из объектов благоустройства до и во время интервью занимался тем, что сам проводил геодезическую съемку местности, хотя обычно такую работу выполняют либо специально нанятые геодезисты, либо опытные работники из числа бригадиров, мастеров и т.д.

(и тогда, например, высотные отметки территории будут совершенно иными), в ней может отсутствовать инженерная инфраструктура, созданная в последние десятилетия, она может быть просто неполной. При этом каждый участок города, и в частности двор, испещрен трубопроводами, кабелями, канализационными трубами и прочими элементами⁶. Подобная ситуация уже была описана для инженерных сетей Череповца [Хархордин и др., 2013]. Нехватку этой информации в документации можно восполнить сравнительно быстро и дешево (например, данные дендросъемки) или учесть при осмотре территории проектирования, однако это дополнительно усложняет работу проектировщиков.

Отдельным фактором, влияющим на качество проектов, является нехватка в регионе узких специалистов для проектирования — архитекторов-генпланистов, ландшафтных дизайнеров и т.д. Дело в том, что рынок проектирования в небольших и удаленных городах специализирован под определенный вид работ. У проектных компаний нет необходимости держать в своем штате узких или редких специалистов. В какой-то мере приоритетный федеральный проект изменил эту отрасль. А наем подобных специалистов или команд со своими специалистами из других городов экономически не рационален из-за удаленности — все-таки для такой работы требуется частое присутствие: осмотр территории на месте, согласования с заказчиками, внесение корректировок.

Респонденты отмечают и влияние климатических условий на возможности строительства и проектирования. Период, когда возможно проведение строительных работ, значительно короче, чем в средней полосе России, и при наиболее благоприятном сценарии длится с мая по октябрь. То же относится и к работе проектировщиков — в зимнее время предпроектный осмотр территории невозможен или, скорее, малоинформативен. Хотя информанты указывали на случаи, когда, судя по косвенным признакам, он проводился именно в это время. В таком случае погода еще больше сжимает и без того регламентированное время производства работ. Любопытно, что главные архитекторы из числа информантов, имеющие представление о работе проектировщиков, но находящиеся по другую сторону «баррикад», в большинстве моментов согласны с проектировщиками.

Отдельный вопрос — вовлечение жителей в реализацию программы. Как уже говорилось, на уровне федеральной документации это важная часть проекта. Мы можем найти тут и дискурс коллективной ответственности (в рекомендациях по переводу дворовых территорий в собственность жильцов дома, в необходимости софинансирования при благоустройстве), и разнообразные механизмы учета мнений жителей при разработке проектов. Но, как и в предыдущих случаях, здесь практика расходится с документами. Несмотря на то что количество информационных материалов, публикаций и событий, посвященных проекту, чрезвычайно велико [Деменев и др., 2018], уровень вовлеченности остается невысоким, что признается всеми информантами. Дело в том, что в случае с общественными пространствами и парками такая обязанность полностью ложится на муниципальную администрацию. Но арсенал технологий, которыми обладают представители администрации, весьма невелик: процедура рейтингового голосования, общественные слушания, прием предложений и т.д. Рекомендованные практики — например, партисипаторное планирование, фокус-группы — требовательны как к компетенциям тех, кто их проводит, так и ко времени проведения. В условиях постоянного цейтнота и нехватки кадров единственное логичное решение для сотрудников муниципальных администраций — проведение мероприятий по уже знакомым технологиям: общественные слушания и голосования. Но в новых условиях такие практики не дают нужного результата. Следствие этого сбой — ситуации, когда одни активисты хотят спортивную площадку, другие требуют оставить на месте зеленые насаждения, а голосования приводят не к согласованию интересов, а к выбору наиболее популярного решения. Старые практики не синхронизируются с новыми запросами.

Но есть и хорошие примеры. Так, в случае одного парка было организовано несколько публичных встреч общественности и представителей проектировщиков, мэра города, главного архитектора и т.д. Это были полуформальные встречи, напоминающие процедуру общественных слушаний, но проходящие в другом формате. Такая практика, хоть и признается всеми информантами шагом вперед, вряд ли может успешно тиражироваться — временных ресурсов

6 <https://varlamov.ru/3443742.html>.

мэра, его заместителей и глав департаментов вряд ли хватит на такое обсуждение каждого проекта благоустройства.

Иначе складывается ситуация с дворовыми территориями: здесь проблема заключается именно в синхронизации интересов разных жителей (особенно при софинансировании) и возможностей проектирования, о чем уже говорилось выше. Информанты из числа участвовавших в программе отмечают, что большая сложность заключается именно в модерации диалога, которая ложится на плечи актива дома, ТСЖ или иных инициаторов благоустройства. Нелинейность такой коммуникации и отсутствие компетенции для использования заложенных в проекте технологий вовлечения и создает ситуацию, когда под благоустройством понимается минимальное приведение в порядок освещения, проездов, скамеек, урн и детских площадок. Это, в свою очередь, означает, что больше шансов на благоприятное прохождение всех процедур имеют те дома, где есть сильное ТСЖ или где среди актива жителей есть проектировщики, архитекторы, люди с опытом работы в соответствующих сферах или госорганах — им проще договориться, получить нужную информацию и т.д. Такую работу могли бы брать на себя муниципальные депутаты, что и происходит в ряде случаев. Но далеко не всегда благоустройство и, шире, строительство является их профильной деятельностью. Вследствие этого, по мнению специалистов из числа архитекторов и представителей подрядчиков, проекты получают сырыми, или однотипными, или и теми и другими одновременно.

Реализация приоритетного федерального проекта: минимальный перечень элементов и детские площадки

Характеризуя программу, нельзя не обратиться к базовым элементам, которые, по мнению проектировщиков и координаторов программы, являются минимумом. Еще раз перечислю их: проезды, освещение, урны и скамейки. К этому повсеместно добавляются в разных пропорциях озеленение и детские или спортивные площадки. При этом в отношении скамеек, урн и детских площадок мнения респондентов расходятся. Так, наличие (или форма) скамеек и урн ряд респондентов не считают необходимым, так как это, по их словам, провоцирует асоциальное поведение и сбор нежелательных лиц. В случае с детскими площадками разногласие связано с качеством и эстетикой объектов — ряд респондентов считают, что стандартизованные цветные пластиковые объекты вызывают раздражение, не отражают локальную идентичность и не выполняют функции по развитию детей; другая же сторона находит такие объекты оптимальными в соотношении цены/качества/простоты использования/безопасности.

Для того чтобы проанализировать эти разногласия, обратимся к понятию скриптов (вписанных в объект сценариев взаимодействия [Akrich, 1992]). Как указала Мадлен Акрич, в процессе проектирования дизайнеры и инноваторы создают объект, пригодный для одного вида взаимодействия и непригодный — для другого. В процессе использования сценарий может быть изменен до неузнаваемости, а объект частично изменен или полностью переписан [Лазт, Мол, 2017]. Тогда для анализа нам необходимо провести дескрипцию, анализ пригодных сценариев взаимодействия объектов/с объектами.

При таком подходе конфликт между теми, кто выступает за наличие скамеек и урн, и теми, кто против, заключается в разных представлениях о сценариях взаимодействий во дворе. В первом случае двор является местом, где люди могут провести время: посидеть, что-то съесть или выпить, подождать встречи и т.д. Это в минимальной степени отражает часть идеологии, заложенной в программу: двор должен быть местом сборки локального сообщества, а оно, в свою очередь, является «необходимым элементом развития города». Другая же сторона воспринимает двор исключительно как транзитную зону, где должны быть ровные дороги (проезды), где безопасно (освещение) и красиво (озеленение).

Любопытно при этом, что детские площадки признаются желательным элементом всеми, но это территория только для мам и маленьких детей и там почти не встретить пенсионеров, спортсменов, подростков, людей среднего возраста или маргиналов. Все посторонние изгоняются. Несмотря на то что такие объекты требуют большего софинансирования по сравнению с базовыми элементами, они устанавливаются практически повсеместно. По-видимому, детская площадка — минимальное консенсусное решение о функции двора.

Но дискуссия о качестве исполнения этих площадок (особенно в парках и на общественных территориях) разгорается в каждом общественном обсуждении. И тем не менее площад-

ки устанавливаются повсеместно. И дело тут вот в чем: с точки зрения тех, кто задействован в создании среды, это удобный объект. Для проектировщика он удобен тем, что его габариты и стоимость уже есть в программном пакете для проектирования. Для органов власти — тем, что он обладает необходимыми сертификатами безопасности. Такие объекты наиболее дешевы и позволяют сэкономить средства для других разделов сметы или для других территорий. Подрядчик не будет испытывать сложности с закупкой такого оборудования — он уже имел опыт работы с этим поставщиком, у них заключен договор, ему ясны сроки поставки и правила установки объекта. Такую цепь аргументов тяжело разорвать апелляцией к эстетичности или требованию восстановления локальных условий.

Если угодно, ситуацию с минимальными элементами и детскими площадками можно описать как равновесие. Является ли это оптимальным равновесием или равновесием по Нэшу, зависит от того, кого мы исключаем из числа значимых агентов.

Ту же самую логику можно использовать и для анализа итоговых проектов дворов и общественных пространств. На рендерах проектов мы видим молодых и среднего возраста людей. Кто-то идет мимо, вот юноша слез с велосипеда, вот парочка влюбленных сидит на укромной скамейке, пенсионерка с внуком кормит голубей и т.д. Все они чем-то заняты. Однако стоит пройти по благоустроенным территориям парков и общественных зон, и мы не встретим никого из этих типажей. Нет велосипедистов, нет парочек, нет мужчины с газетой, нет девушки, выгуливающей лабрадора. Есть лишь редкие прохожие, немногочисленные пенсионеры на лавочках и мамы с детьми. В благоустроенных дворах любые люди днем — это вообще скорее исключение, чем правило.

В этом нет ничего удивительного, если мы обратимся к проектным документам. В большинстве случаев в целях экономии в реконструируемых или заново создаваемых общественных пространствах, за исключением технических работ (таких, как земляные работы, подведение коммуникаций и т.д.), устанавливается только уже знакомый нам перечень элементов — детские площадки, озеленение, дорожки, освещение, скамейки, урны, ограждения. Они не включают в себя площадок для барбекю, площадок для выгула собак, территорий для размещения объектов передвижной торговли или аренды спортивного инвентаря, укромных огороженных уголков, уличных шахматных столов, укрытий от непогоды (что особенно актуально в любое время года на Севере). Поэтому существующий минимум объектов соответствует, специально или нет, лишь немногочисленным сценариям использования. Но как только появляются объекты для создания иных сценариев или возможности альтернативного использования, появляются и новые группы — это описано в литературе [Лоу, 2016], об этом свидетельствуют наблюдения. Укромные уголки заросших частей набережной становятся зонами барбекю, появление элементов скейт-парка в сквере привлекает подростков, а большая пустынная территория практически любого крупного парка заполняется владельцами собак летом и лыжниками — зимой.

Процессное благоустройство

Наряду с проектным благоустройством по программе существует и процессное благоустройство. Оно существовало до запуска федеральной программы и является одной из причин текущего состояния городской среды. Эти работы можно условно разделить на несколько типов: благоустройство и создание среды при постройке новых домов и объектов и работы, проводимые муниципальными округами ежегодно или ежесезонно. Если в первом случае спектр и качество работ зависят от застройщика, то во втором деятельность достаточно стандартизирована. Она включает в себя такие практики, как ремонт и содержание мостовых, обрезка и содержание зеленых насаждений, в том числе уборка или замена старых деревьев, покос травы, уборка снега или мусора и содержание территории, борьба с незаконной рекламой и т.д. Также к ней относится восстановление территории после ремонтных работ⁷.

⁷ При этом сами ремонтные работы проводятся собственниками или арендаторами инфраструктуры. Именно поэтому для муниципальных властей и управления округа любые ремонты подземных коммуникаций являются неприятной неожиданностью. Ведь ремонтная бригада приехала, разрыла котлован, сделала свое дело и уехала, а обязанность по восстановлению лежит на других органах, которые, как правило, не обладают необходимым запасом финансирования. Именно поэтому полузарытые котлованы, оставшиеся после очередного прорыва труб, могут существовать месяцами, если не годами.

Но и в этой сфере есть свои сложности. Основные из них — недофинансирование этих направлений и мозаичная структура городской территории. Два соседних здания и прилегающая к ним земля могут быть в собственности разных видов — частной, муниципальной, региональной или федеральной. Все собственники по-разному относятся к содержанию территории, и технологически не всегда возможно проводить, например, уборку только на своей, муниципальной территории. Показателен пример с уборкой снега с пешеходных дорожек и тротуаров — согласно правилам благоустройства, собственники территорий, по которым проходят такие линейные объекты, должны содержать ее в очищенном от снега состоянии. Однако, как нетрудно убедиться, это положение соблюдается далеко не всегда. Наказывать каждого в таком случае слишком затратно, поэтому в большинстве случаев зимой тротуары превращаются в уплотненные ледники. Абсолютно аналогичная ситуация сложилась вокруг незаконной наружной рекламы. Судя по отчетам и интервью с сотрудниками муниципальной администрации, борьба с ней ведется, но напоминает она борьбу с лернейской гидрой.

Такая отработанная годами система плохо синхронизируется с новыми практиками и технологиями. В качестве примера можно взять работу приложения «Чистый город». Оно является братом-близнецом приложения «Активный гражданин». На запущенный еще весной 2018 года сервис приходит в среднем 1,7 предложения в день⁸ по следующим категориям: обращения по поводу открытых люков, захламление мусорных площадок домов и несвоевременный вывоз мусора, незаконная реклама, а также несоблюдение общественным транспортом маршрутов движения и пропуск остановок. Респонденты из числа активных пользователей отмечают, что, хотя приложение и работает, его функционала недостаточно, а рассмотрение обращений занимает столько же времени, сколько и рассмотрение обычного письменного обращения. Нет, например, и необходимой категории «Нарушения правил парковки». Таким образом, технология вовлечения граждан через приложение «Чистый город», также производная от политики благоустройства Москвы, не особенно хорошо вписывается в деятельность как по процессному, так и по проектному благоустройству.

Городские активисты: характеристика

В начале 2010-х годов в России пересеклись два процесса: с одной стороны, всплеск интереса к городам и их благоустройству, а с другой — появление и распространение неполитического активизма [Петухов и др., 2014]. Результатом этого пересечения стали многочисленные формальные и неформальные группы, инициативы, организации, которые продвигали новое представление о том, что такое город и как он должен выглядеть. По материалам интервью можно отметить, что в подавляющем большинстве случаев вовлечение в такую активность проходило в 2013–2014 годах, то есть до появления приоритетной федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Основную массу участников таких инициатив и групп составляют люди, чей род деятельности связан с городской средой. Во всех случаях активизм являлся общественной деятельностью и был слабо формализован. Это не специфическое локальное явление, характерное для Архангельской агломерации; во многих городах страны существуют подобные инициативы — например, сеть Центров прикладной урбанистики (от Санкт-Петербурга до Екатеринбурга), «Проектная группа 8» (Вологда), «Мой Мурманск» (Мурманск) и т.д. Однако формы участия в общественной жизни и практики хоть и имеют общую направленность, но разнообразны. Это может быть создание физических объектов и тактический урбанизм, ведение блогов и пабликов, проведение фестивалей и событий, разнообразный общественный контроль и выявление «болевых точек» города.

Нельзя сказать, что активисты полностью исключены из системы принятия решений, — они могут входить в разные общественные советы, работать в государственных и муниципальных учреждениях или молодежном правительстве. Другими словами, нет четкой границы между активистами и другими группами: кто-то из активистов может быть архитектором по основному роду занятий, депутаты и чиновники могут иметь активистский бэкграунд или вести активистскую деятельность, актив ТСЖ и домов в меньшей степени интересуется судьбой города и района, но глубоко укоренен в конкретном доме и т.д.

⁸ По данным за 2018-й и первую половину 2019 года.

Иногда проекты и инициативы активистов находят поддержку у органов власти, но чаще встречаются критику или сосуществуют с ними в разных местах⁹ — инициативы не встраиваются в проекты и текущую деятельность по благоустройству, рекомендации не принимаются в расчет. В ответ на это один из респондентов из числа чиновников назвал большинство активистов и их стратегию «ворчливыми урбанистами».

Для многих активистов город — это место для пешеходов, для создания новых знаковых территорий; общественные пространства для них — центры сборки сообществ, а предпочтение они отдают малоэтажной застройке и историческим зданиям. Это отчасти схоже с позициями, заложенными в федеральной документации к программе благоустройства, и напоминает дискурс «хипстерского урбанизма» и работы Ричарда Флориды [*Флорида, 2014*] и Лео Холлиса [*Холлис, 2015*]. В качестве наиболее яркого примера можно привести высказывание одного из респондентов: «Комфортная городская среда — это когда в парке есть модная хипстерская бургерная».¹⁰

Как мы помним, примерно те же выражения и дискурс мы обнаружили в федеральных документах к программе. Таким образом, нет противоречия между представлениями о необходимой городской среде, декларируемыми активистами, и принципами федеральной программы. Как следствие, можно заметить, что конфликт проходит не между федеральным проектом и активистами, а между реализацией проекта на конкретных объектах и тем видением, которое разделяют активисты и которое обнаруживается в документации к федеральному проекту.

Городские активисты: практики

Как нетрудно догадаться, у не связанных между собой активистов нет общих целей или стандартизированных практик, а есть лишь желание что-либо делать для города, несистемность и нередко «ворчливый урбанизм». Поэтому мы рассмотрим только те практики, которые повторяются у нескольких групп и пересекаются с проектом «Формирование комфортной городской среды». Отдельные кейсы, как, например, создание нового общественного пространства или проведение «Том Сойер феста»¹¹, интересны, но бесполезны для нашего анализа. Мы рассмотрим только практики создания городских карт и общественный контроль.

Генеалогия практики создания городских карт, как и многое другое, восходит к политике преобразования Москвы, а именно к сайту «Чего хочет Москва», который был запущен еще в 2013 году. Заложенная в него технология дает возможность всем желающим делать на специальном сайте пометки и комментарии на карте города с предложениями/проблемами. Идея была подхвачена активистами и перенесена в разные города: появились карты «Архиважно» (Архангельск), «Мой Северодвинск. Карта городских идей» (Северодвинск), «Мой Мурманск» (Мурманск). И хотя базовая технология при этом сохранилась, мы не можем не отметить отличия. Так, карта «Чего хочет Москва» была создана при поддержке и по заказу мэрии, и соответственно результаты ее работы собирались и анализировались органами власти для принятия решений, а карта «Архиважно» задумывалась как проект для самоорганизации горожан, желающих найти поддержку среди таких же горожан. В случае же карты «Мой Северодвинск» стояла задача найти интересные инициативы, наиболее актуальные болевые точки городской среды. Уже из этого можно заключить, что, хотя это схожие и распространенные практики, они далеко не так единообразны, как пастеризация или правила благоустройства муниципалитета. Тем не менее мы видим, как одна и та же технология безболезненно «стыкуется» с другими условиями. Более того, в случае с группами активистов она становится ядром деятельности. Это дает основания для предположения, что и остальные элементы хинтерленда благоустройства (от идеологии до компетенций участников) не имеют значимых отличий.

⁹ Так же как у Аннмари Мол непротиворечиво сосуществуют несколько видов диагностики атеросклероза. Но существуют они непротиворечиво только до тех пор, пока их результаты не будут противоречить друг другу. Так же и тут — частная инициатива по обустройству двора может долго и незаметно существовать отдельно, пока на ту же территорию не придет федеральная программа. Их дальнейшее взаимодействие (конфликт или взаимодополнение) непредсказуемо.

¹⁰ Респондент — мужчина приблизительно 40 лет, руководитель бюджетного учреждения культуры, активный участник культурной жизни города, в прошлом основатель одной из групп активистов.

¹¹ Добровольческий фестиваль по благоустройству исторических зданий: <http://tsfest.ru>.

По-другому обстоит дело с практикой общественного контроля, которая также используется группами активистов. Далее мы немного рассмотрим две из них. Мы можем найти несколько способов ее применения: иррегулярный блог или фоторепортаж о проблемах с точки зрения современной урбанистики, внезапная проверка в духе «Ревиззоро», педантичный контроль процессов строительства силами волонтеров и узких специалистов. Из трех перечисленных только последний оказывает значимое влияние в силу того, что только эта практика подразумевает использование строительных ГОСТов и нормативов и апелляцию исключительно к ним. И именно из-за этого производителям работ и надзорным органам от муниципалитета приходится прислушиваться к рекомендациям и комментариям активистов. Второй вид общественного контроля — внезапная проверка — тоже демонстрирует некоторую эффективность, но далеко не во всех случаях. Дело в том, что рекомендации и комментарии в этом случае имеют отчасти узкоспециализированную направленность и связаны с контролем расходов и рациональностью применения тех или иных методов строительства. Однако там, где контролеры не имеют достаточных компетенций, например, в том, что касается сертификации объектов, их комментарии не учитываются и провоцируют конфликт. В случае общественного контроля при помощи блога большинство комментариев не связаны с действующими нормами или законодательством, их отчасти можно свести к тому или иному вкусу. И поэтому они не достигают своей цели и не меняют положения дел, а скорее вызывают отторжение и раздражение.

Причины различий между практиками можно объяснить при помощи концепта «перевод» [Каллон, 2015]. В каждом из случаев практика контроля направлена на представителей управленческой бюрократии, ответственных за дороги, содержание общественных территорий или реализацию благоустройства. В зону действия этих управленцев попадает только то, что существует в регулирующих их деятельность документах. Например, один поставщик детских площадок отличается от другого только ценой товара, так как для документов, в соответствии с которыми работает чиновник, имеет значение только цена, а не стилистика и не материал площадок. Поэтому когда жалоба на работы попадет в категорию существующих нормативов, становится возможной реакция на нее по существу. Последняя практика, сопровождающаяся точным описанием нарушений на языке строительных нормативов, производит наиболее полный перевод возмущения разгневанных обывателей на язык бюрократов и специалистов и именно поэтому она эффективна. Остальные две версии осуществляют перевод значительно хуже и потому не достигают цели.

Заключение

Теперь, когда мы описали достаточно, попробуем выделить акторов реализации приоритетной федеральной программы. Действует идеология благоустройства, запущенная в Москве в 2010–2011 годах. Действуют советские планировочные решения через положение инфраструктурных объектов и труб и через результаты практики озеленения тополями. Действуют старые и новые строительные нормы, определяющие, что, где и на каком расстоянии должно находиться друг от друга при проектировании. Действует минимальный перечень элементов благоустройства. Запуск проекта как части предвыборной кампании определенной партии, а также контроль реализации со стороны ОНФ вводит в состав действующих акторов политический элемент. Оказывают влияние типичные практики согласования строительных объектов с общественностью. Механизм финансирования проекта и прописанные в программе способы соучастия жителей также в немалой мере определяют, как выглядит окончательный результат. Действуют группы активистов¹², создающие кружки по интересам и распространяющие свою точку зрения. Действует и Федеральный закон №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Вполсилы действует чудом доживший до наших дней институт главных городских архитекторов. Наконец, действуют климатические условия, задающие возможные сроки проектирования и выполнения работ.

¹² «Неравнодушная городская интеллигенция». Так определил себя и другие группы активистов один из информантов.

Все это — далеко не полный перечень того, что действует и своим существованием формирует городскую среду в нынешнем ее виде. Что-то из этого прямо относится к реализации федеральной программы, что-то является наследием советской эпохи, а что-то, как, например, городской неполитический активизм, вызвано к жизни совершенно иными процессами. Некоторые элементы действуют больше, чем остальные, или активны по-разному в зависимости от условий. Часть акторов принадлежит к природным объектам, часть — к экономическим явлениям, что-то вообще технический агрегат. Они гетерогенны по происхождению и не сводимы друг к другу. И что самое главное — все эти акторы не соединяются в непротиворечивую сеть. Они создают по меньшей мере два объекта, которые хоть и называются одинаково, но создают разные реалии. Это порождает множественность нашего объекта. Объекта, в центре которого — новая городская среда.

Нельзя не отметить некоторую текучесть, проявляющуюся при изучении нашего объекта. Подчас сложно отделить активиста от чиновника/депутата или результаты программы от процессных работ муниципалитетов. Но все же попытаемся выделить линии противоречий.

В силу того, что идеология и принципы, заложенные в федеральном проекте, и ориентиры деятельности активистов похожи, сочетаются друг с другом и могут использовать одни технологии, мы можем объединить их на одной стороне поля. Они определяются близким набором акторов от дискурса «хипстерского урбанизма» до инструментов-сайтов вроде «Архиважно» или «Чего хочет Москва», от приоритета пешеходности города до навязчивой потребности вытянуть горожанина из квартиры.

Тогда на другой стороне поля размещается фактическое воплощение благоустройства в каждом конкретном случае. И оно определяется совершенно другими факторами — строительными нормативами, минимальным перечнем работ, погодой, условиями софинансирования и т.д. Несмотря на проектную систему работы, такое благоустройство хорошо согласуется с процессным благоустройством и его результатами. И тогда при первом приближении противоречие между разными не сходящимися частями множественного объекта можно определить как хипстерская бургерная vs КСИЛовская детская площадка. Точка зрения активистов и представления федеральной программы игнорируют сложность и спутанность производства работ по благоустройству, а производители работ, проектировщики и администраторы программы на местах не видят необходимости или возможности следовать «духу» проекта.

Но инициативы активистов время от времени реализуются, не вступая в противоречия с работой федеральной программы. Это происходит либо в силу того, что они разнесены по разным местам (как в случае с благоустройством дворов на отдаленной городской территории, не входящей в перечень объектов, попавших в проект), либо по причине их переводимости/видимости для управленцев из муниципалитета (кейс активистов «Асфальт 29» и объекта «Палуба»¹³), либо потому что они просто игнорируются (как в случае с «Том Сойер фестом»). Такие стратегии являются способами маскировки множественности объекта для упрощения работы с ним [Мол, 2017].

Итак, мы видим, что городская среда гетерогенна. Она задействована во множестве практик, часть из которых пересекаются, а часть противоречат друг другу, что говорит о ее неомолитности, дробности. Нам сложно вычленишь, что из действующего является ядром, а что периферией, но ясно, что большая часть из перечисленного выше находится в ядре. Стоит изменить порядок финансирования, строительные нормативы или исключить деятельность активистов, как в процессе реализации проекта произойдут значительные изменения. Произойдет усиление одной из версий. С другой стороны, это значит, что ничто из перечисленного выше не является строго обязательным. Городская среда может не быть пешеходной и не отвечать требованиям по отступам парковок от домов, может не подталкивать горожан к созданию локальных сообществ или, наоборот, создавать условия для самоорганизации. Но что это признание дает в нашем случае?

Аннмари Мол в конце книги «Множественное тело. Онтология в медицинской практике» [Там же] делает вывод, что перенос акцента с хирургического атеросклероза как бляшки, которую надо удалить, на социальное понимание атеросклероза как результата системы питания дает альтернативу для принятия решений. Джон Ло и Лив Остмо в статье «Ошибка перевода, колониализм и конфликт вокруг окружающей среды» [Østmo, Law, 2018] предлагают действо-

13 Подробнее см.: <https://vk.com/paluba29>.

вать иначе и дополнять жесткий реализм биологов и политиков «мягкими», укорененными в месте обитания, знаниями саамских рыбаков, знаниями «на кончиках пальцев». Какой способ сработает у нас? Такого ответа мы дать не можем. Но теперь ясно, что есть возможность для онтологической политики, для выбора того, что должно быть реализовано.

И в завершение еще раз обратим внимание на действие. По словам Латура, всякая инновация рождается мертвой, а оживает, только контекстуализируясь [Latour, 1996]. Следовательно, новая городская среда оживет только тогда, когда начнет ощутимо влиять на другие объекты. И тут снова уместно обратиться к корабельным примерам — что делает сборку «галеон» успешной и живой? Возможность действовать в соответствии с заложенными в него сценариями и противостоять другим силам — течениям Западной Африки, арабским пиратам и штормам. Но стоит поместить галеон в другие условия, скажем, в Северный Ледовитый океан, как он окажется принципиально неэффективным. Возвращаясь к созданию городской среды в России, мы можем наблюдать, что сборка, успешно реализованная в Москве и других крупнейших городах, не всегда настолько же хорошо срабатывает в других условиях. Поэтому при дальнейшей реализации необходимо обратить внимание на местные условия. Городское планирование и благоустройство как его часть — процесс более комплексный, нежели простое следование нормативам. Его успешность, возможность состояться зависят от очень локальных факторов и распределения сил. Поэтому даже простые шаблоны в каждом месте могут проявить себя по-новому.

Источники

- Астахов С.С. (2019) Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ//Социология власти. № 31. С. 18–44.
- Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством//Социология власти. № 2. С. 9–38.
- Деменев А.Г., Шубина Т.Ф., Шубина П.В., Ненашева М.В., Макулин А.В., Тарасов И.А. (2018) Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области//Арктика и Север. № 33. С. 91–117.
- Каллон М. (2015) Некоторые элементы социологии перевода. Одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие//Социология власти. № 1. С. 196–231.
- Кузнецов А. (2017) Космополитика имплицитных инноваций в городской обильности: гибкость, неопределенность, инфраструктуры//Российская антропология и «онтологический поворот». Сб. науч. статей/С.В. Соколовский (ред.). М.: ИЭА РАН. С. 257–294.
- Латур Б. (2006) Об интеробъективности//Социология вещей. Сб. науч. статей/под ред. В.С. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 169–198.
- Латур Б. (2015) Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.
- Латур Б. (2019) О некоторых аффектах капитализма//СТАДИС. № 1. С. 90–100. Режим доступа: <https://doxajournal.ru/translations/latour> (дата обращения: 15.12.2020).
- Латур Б. (2013) Наука в действии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии//Логос. № 1. С. 171–232.
- Ло Дж. (2006) Объекты и пространства//Социологическое обозрение. № 1. С. 30–43.
- Ло Дж. (2015) После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Лоу С.М. (2015) Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press.
- Мокрушина К. (ред.) (2016) Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. Центр городских исследований бизнес-школы Сколково.
- Мол А. (2017) Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс.
- Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. (2014) Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия//Власть. № 4. С. 11–18.
- Трубина Е. (2017) Социальная антропология между материальностью и деятельностью: об активности субъектов и объектов//Российская антропология и «онтологический поворот». Сб. науч. статей/С.В. Соколовский (ред.). М.: ИЭА РАН. С. 87–123.
- Фадеева М. (2016) ЗИЛ и Зарядье. Большие проекты Собянина//Книга о вкусной и полезной архитектуре. Архитектурная политика как драйвер развития городов. Сб. науч. статей/О. Горбенко (ред.). М.: КБ «Стрелка». С. 48–54.
- Флорида Р. (2014) Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press.

- Хархордин О., Алапуро Р., Бычкова О. (2013) Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Холлис Л. (2015) Города вам на пользу: гений мегаполиса. М.: Strelka Press.
- Akrich M. (1992) The Description of Technical Objects//Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change/W. Bijker, J. Law (eds.). Cambridge: MIT Press. P. 205–240.
- Duineveld M., Assche K., Beunen R. (2012) Making Things Irreversible. Object Stabilization in Urban Planning and Design//Geoforum. No 46. P. 16–24.
- Latour B. (1996) *Aramis, Or the Love of Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Law J. (2015) What's Wrong with a One-World World//Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. No. 1. P. 126–139.
- Østmo L., Law J. (2018) Mis/translation, Colonialism and Environmental Conflict//Environmental Humanities. No. 2. P. 349–369.
- Pineda A. (2010) How Do We Co-Produce Urban Transport Systems and the City? The Case of Transmilenio and Bogota//Urban Assemblages: How Actor-Network Theory changes urban studies/I. Farias, T. Bender (eds.). London: Routledge. P. 123–138.
- Verran H. (1998) Re-Imagining Land Ownership in Australia//Postcolonial Studies. No. 2. P. 237–254.
- Zaloom C. (2010) The City as Value Locus: Markets, Technologies, and the Problem of Worth//Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies/I. Farias, T. Bender (eds.). London: Routledge. P. 253–268.

IVAN TARASOV

CREATING AN URBAN ENVIRONMENT: CONTROVERSIES IN MULTIPLE-OBJECT

Ivan A. Tarasov, master in sociology, independent researcher; tel. +7 950 963-53-17

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Abstract

At the beginning of 2010 in Russia, interest in the urban environment and its quality and comfort increased. This trend appeared in a number of large-scale projects in the most populated cities, firstly in Moscow, and in the opening of new educational institutes, programs and NGOs that focus on the urban environment. This movement could not remain only in metropolitan cities; by the mid 2010s it had spread to all over the country, and numerous groups of civil activists were appearing. During the election campaign for the State Duma, a priority federal project “the formation of a comfortable urban environment” was begun. In implementing this program there was much disagreement about how the urban environment should be created, about the criteria for that environment, and eventually about the necessity for or priority of such programs at all.

This article views these controversies through the concept of “multiple object” of the Lancaster branch of actor-network theory (ANT), represented mainly by works of John Law and Annemarie Mol. We examine the basic processes that formed the creation of the urban environment—the implementation of the federal project, processing improvements, and activist activity. Then we identify the main actors and illustrate that, today, the urban environment enacts at least two conflicting networks of relations.

Keywords: multiple object; northern cities; urban improvements; actor-network theory

Citation: Tarasov I. (2020) Creating an Urban Environment: Controversies in Multiple-Object. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 7–23. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5220207-23>

References

- Akrich M. (1992) The Description of Technical Objects. W. Bijker, J. Law (eds.) *Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge: MIT Press, pp. 205–240.
- Astahov S.S. (2019) Konceptual'nyj stil' Lankasterskoj shkoly v AST [The Conceptual Style of the Lancaster School in ANT]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 31, pp. 18–44. (in Russian)
- Demenev A.G., Shubina T.F., Shubina P.V., Nenasheva M.V., Makulin A.V., Tarasov I.A. (2018) Opyt obshchestvennogo uchastiya v planirovanii komfortnoj gorodskoj sredy na primere Arhangel'skoj oblasti [Experience of Public Participation in Planning a Comfortable Urban Environment on the Example of the Arkhangelsk Region]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no 33, pp. 91–117. (in Russian)
- Duineveld M., Assche K., Beunen R. (2012) Making Things Irreversible. Object Stabilization in Urban Planning and Design. *Geoforum*, no 46, pp. 16–24.
- Fadeeva M. (2016) ZIL i Zaryad'e. Bol'shie proekty Sobyana [ZIL and Zaryadye. Sobyana's Big Projects]. Gorbenko O. (ed.) *Kniga o vkusnoj i poleznoj arhitekture. Arhitekturnaya politika kak drayver razvitiya gorodov* [A Book about Tasty and Healthy Architecture. Architectural Policy as a Driver of Urban Development]. Moskva: KB «Strelka» [Moscow. Design Bureau «Strelka»], pp. 48–54. (in Russian)
- Florida R. (2014) Kto tvoj gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva [Who's Your City? How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)
- Harhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (2013) Infrastruktura svobody: obshchie veshchi i res publica: kollektivnaya monografiya [The Infrastructure of Freedom: Common Things and Res Publica: A Collective Monograph]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Hollis L. (2015) Goroda Vam na pol'zu: genij megapolisa [Cities are good for you. The genius of the metropolis]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)

- Kallon M. (2015) Nekotorye elementy sociologii perevoda. Odomashnivanje morskikh grebeshkov i rybakov zaliva Sen-Brie [Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 1, pp. 196–231. (in Russian)
- Kuznecov A. (2017) Kosmopolitika implicitnykh innovatsiy v gorodskoj obil'nosti: gibkost', neopredelennost', infrastruktury [Cosmopolitanism of Implicit Innovation in Urban Abundance: Flexibility, Uncertainty, Infrastructure]. Sokolovskij S.V. (ed.) *Rossiyskaya antropologiya i «ontologicheskij povorot»* [Russian Anthropology and the «Ontological Turn»]. Moscow: IEA RAN, pp. 257–294. (in Russian)
- Latour B. (1996) *Aramis, Or the Love of Technology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Latur B. (2006) Ob interob'ektivnosti [On Interobjectivity]. Vahshtain V.S. (ed.) *Sociologiya veshchej* [Sociology of Things]. Moscow: Izd. dom «Territoriya budushchego» [Publishing House «Territory of future»], pp. 169–198. (in Russian)
- Latur B. (2015) Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo» [Pasteur: War and Peace of Germs, with the “Irreducible” app]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v S.-Peterburge [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Latur B. (2019) O nekotorykh affektakh kapitalizma [On Some of the Affects of Capitalism]. *STADIS* [STUDIES], no 1, pp. 90–100. Available at: <https://doxajournal.ru/translations/latour> (accessed 15 December 2020). (in Russian)
- Latur B. (2013) *Nauka v dejstvii* [Science in action]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta [European University in St. Petersburg Press]. (in Russian)
- Laet M., Mol A. (2017) Zimbabviiskii vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii [Zimbabwe bush pump: the mechanics of fluid technology]. *Logos* [Logos], no 1, pp. 171–232. (in Russian)
- Law J. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], no 1, pp. 30–43. (in Russian)
- Law J. (2015) Posle metoda: besporjadok i social'naya nauka [After Method: disorder and social science]. M.: Institut Gajdara [Moscow. Institute of Gaidar]. (in Russian)
- Law J. (2015) What's Wrong with a One-World World. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, no 1, pp. 126–139.
- Low S.M. (2015) Plasa: politika obshchestvennogo prostranstva i kul'tury [On the Plaza: the politics of Public Space and Culture]. M.: Strelka Press [Moscow. Strelka Press]. (in Russian)
- Mokrushina K. (ed.) (2016) *Upravlenie prostranstvenno-ekonomicheskimi razvitiem goroda: skrytye resursy* [Managing the spatial and economic development of the city: hidden resources]. Centr gorodskikh issledovanij biznes-shkoly Skolkovo [Center for Urban Studies of the Skolkovo Business School]. (in Russian)
- Mol A. (2017) Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v medicinskoj praktike [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice]. Perm': Gile Press [Perm. Hyle Press]. (in Russian)
- Østmo L., Law J. (2018) Mis/translation, Colonialism and Environmental Conflict. *Environmental Humanities*, no 2, pp. 349–369.
- Petuhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petuhov R.V. (2014) Grazhdanskij aktivizm v Rossii: motivaciya, cennosti i formy uchastiya [Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'* [Power], no 4, pp. 11–18. (in Russian)
- Pineda A. (2010) How Do We Co-Produce Urban Transport Systems and the City? The Case of Transmilenio and Bogota. Farias I., Bender T. (eds.) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory changes urban studies*. London: Routledge, pp. 123–138.
- Trubina E. (2017) Social'naya antropologiya mezhd material'nost'yu i deyatelnost'yu: ob aktivnosti sub'ektov i ob'ektov [Social anthropology between materiality and activity: on the activity of subjects and objects]. Sokolovskij S.V. (ed.) *Rossiyskaya antropologiya i «ontologicheskij povorot»* [Russian Anthropology and the “Ontological Turn”]. Moscow: IEA RAN, pp. 87–123. (in Russian)
- Zaloom C. (2010) The City as Value Locus: Markets, Technologies, and the Problem of Worth. Farias I., Bender T. (eds.) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies* / London: Routledge, pp. 253–268.
- Vahshtajn V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhd yazykom i prostranstvom [Rebuilding the City: Between Language and Space]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], no 2, pp. 9–38. (in Russian)
- Verran H. (1998) Re-Imagining Land Ownership in Australia. *Postcolonial Studies*, no 2, pp. 237–254.